

когда не заменит талантливости.

Аспасия более чем талантлива. Каждое ее слово, жест, движение исполнены чувством.

Папатанассиу живет в своей героине. Это жизнь, это человек, которого постигло большое горе. И сцена перестает быть сценой, перед нами женщина. Мы забываем, что сидим в зрительном зале, мы воспринимаем трагедию, как событие, невольными участниками которого мы стали. Не в этом ли секрет подлинного искусства?

Вы наблюдаете за ней, и постепенно вам начинает казаться, что вот сейчас, после проведенной сцены, актриса уже не сможет подняться, потому что она исчерпала свои силы, что она уничтожила себя в плаче. Но она, вновь поднимая лицо, залитое слезами, в стремительном взлете вдохновения продолжает роль.

Зритель вместе с Медеей и Электрой радуется и плачет. Актриса увлекает зал необычайной искренностью и благородством возмужанности.

замечательной греческой актрисы, борца против захватнического ига?..

Не в этом ли современность спектакля, не потому ли глубокая древность вдруг предстает перед нами, словно день нынешний?..

В Аспасии Папатанассиу пластическая красота и внутреннее величие героинь древнегреческих трагедий органично соединяются с неовойной чуткостью и остротой, с умом, духовной сложностью и свободой современной женщины.

Она не скрывает усталости, измученности, порой беззащитности. Варьяны темперамента возникают в ней как бы абсолютно произвольно, голос то звучит, как поющая виолончель, то рокочет, как мощный орган. Невзрывчатое напряжение «человеческого духа» сочетается у нее с предельной свободой и ненапряженностью тела. Она почти не воздевает и не ломает рук, не жестиккулирует, избегает ненужных движений, не

она выражает самые глубочайшие потрясения человеческой души. Ее трагическое искусство не гнетет, не давит. В нем — целеустремленность, жизнеутверждение, скромность.

Я вспоминаю, как выходит она после спектакля к зрителям, выходит позже всех, маленькая, застенчивая. Покоряет скромность актрисы, принявшей аплодисменты всего мира...

И я, советская актриса, от души ей аллодирую.

Греческая актриса заставила снова обратиться к истории древнего и западноевропейского искусства, вновь о многом передумать, многое пересмотреть, во многом она еще крепче укрепила.

Трудно вот так сразу рассказать о потрясающем впечатлении, которое производит хор, где каждая актриса — характер, и даже каждое движение продумано и выписано гречески. И о блестящей, магической работе хореографа Лукии. И о предельной лаконичности оформления.

Я увидела в греческом театре спектакли-симфонии, в которых ничто не нарушает гармонию, в которых воедино слиты голоса актеров, их крик и шепот, вздохи и стоны, жесты и позы, линии их одежды, краски декораций и костюмов. Все выверено, подчиняется четкому внутреннему ритму, и хотя актер действует свободно в своих ритмах, великолепный

ансамбль хора четко прислушивается к переживанию главного действующего лица.

Я благодарна первой актрисе театра, превосходному режиссеру Дмитриосу Рондирису и всему коллективу, где каждый — солист. Всеми театру, который открыл и дарит нам классиков Эллады, что живут для нас, боясь во имя правды и побеждая зло.

Вера ШИРЬЕ,
народная артистка Азербайджанской ССР.

На снимках: сцены из спектакля «Медея».

Фото В. Сухорукова.

ЖИВАЯ МУЗЫКА ТЕАТРА

Она не щадит себя, не боится быть некрасивой на сцене. Она поражает искусством нерасхождений: сейчас ее Электра обаятельна, через минуту — страшна.

Вера Аспасии еще раз убедила, что актер должен иметь огромное техническое. Но никакая техника, даже самая блестящая, не возмужает вас, не станет для вас правдой, если она — поэт. Техника ни-

Мы вместе с ней оправдываем фанатизм Медеи — понимаем, что он лишь выражение предельной справедливости, за которую борется героиня Аспасии.

Ее Электра — только песчинка в большом и трудном мире, но она берет на себя беспримерную миссию справедливости, гражданскую миссию. И, значит, мы с ней. Не в этом ли образе — гражданственность

искажает лица судорогой иступления.

Редкое это могущество истинной трагической актрисы, способной в течение двух часов едва ли не ежевечерне жить самым высоким «накилом» человеческих страстей. Если применимо к трагедии слово «легкость», то Папатанассиу поражает именно этой артистической легкостью, радостью, с которой